

Глазко Светлана Викторовна

аспирант кафедры всеобщей истории, философии
и культурологии
Благовещенского государственного
педагогического университета

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ТРОИЧНОСТИ В СЕМЕЙНО- БЫТОВОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭВЕНКОВ

Аннотация:

В статье рассматривается принцип троичности в ритуально-обрядовом комплексе эвенков, в его семейно-бытовом аспекте как части культурно-символического пространства. Автором даны подробные описания национальных обрядов, примет и верований эвенков.

Ключевые слова:

традиционная культура обряд, беременность, свадьба.

Glazko Svetlana Viktorovna

PhD student, World History,
Philosophy and Culture Studies Department,
Blagoveshchensk State Pedagogical University

MANIFESTATION OF THE TRIPPLICITY PRINCIPLE IN THE COMMON FAMILY RITUALS OF EVENKS

Summary:

The article deals with the triplicity principle in the common family aspect in the rituals of Evenks as a part of the cultural symbolic space. The article deals with the triplicity principle in the family aspect in the rituals of Evenks as a part of the cultural symbolic space. The author provides detailed descriptions of national ceremonies, omens and beliefs of Evenks.

Keywords:

traditional culture, ceremony, wedding, pregnancy.

Уже на ранних стадиях истории человечества с помощью числа и нехитрых числовых операций осваивались время и пространство, закладывались основы знания. «Так же как предметы материальной культуры – жилище, одежда, пища – помимо выполнения своей основной функции удовлетворения насущных человеческих потребностей бывают во всех без исключения культурах нагружены дополнительным знаковым (символическим, обрядовым) содержанием числа. Числовые наборы предметов и понятий всегда имеют помимо своей основной счетной функции еще и дополнительное символическое, ритуальное, выражающее определенную традицию значение» [1, с. 131]. Своеобразие культурных традиций проявляется в том числе через приверженность (в символических целях) тем или иным числам.

Наиболее значимым у многих этносов является число три, что представляется вполне обоснованным с разных точек зрения. Практически все проявления в нашей реальности имеют три компонента. Человеческое сознание воспринимает Вселенную тремя основными способами: через время, пространство и материю. В свою очередь время имеет три составляющие – прошлое, настоящее и будущее. Ментальное представление пространства связано с осями: вперед / назад, влево / вправо, вверх / вниз. Материя же, как известно, также состоит из трех основных частиц – протонов, электронов и нейтронов.

В традиционной эвенкийской культуре проявление триады можно обнаружить на разных уровнях и в разных сферах культурно-символического пространства.

Согласно классификации американского этнопсихолога Маргарет Мид, культуру данного этноса можно отнести к постфигуративному типу, основанному на реальном присутствии в обществе представителей трех поколений. Определяющую роль среди них играет старшее – образец жизни и символ культуры. Используя культурную трансмиссию [2], включающую процессы инкультурации (термин М. Херсковеца) и социализации, этническая группа «передает себя по наследству» [3, с. 104] своим новым членам, увековечивает свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения.

Разветвленный ритуально-обрядовый комплекс, направленный на поддержание веками установленного традиционного миропорядка, был порожден тесной связью практического и сакрального в культуре эвенков. Специфика типа хозяйствования (охотничьего и скотоводческого), половозрастное деление, межродовые отношения, общение с предками и социальное расслоение требовали перманентной реализации принципа взаимовыгоды. Обрядовые действия, присутствуя и по сей день, свидетельствуют о степени их весомости для традиционного общества. Обращение к ним происходит в «пиковые» ситуации жизни человека, называемые А.К. Байбуриным кризисными, пороговыми, когда с помощью ритуала коллектив преодолевает критические точки бытия [4, с. 26]. Мотивы их реализации разнообразны, но все возможно сгруппировать по трем направлениям, которые мы условно назвали:

– бытовые (стремление заручиться поддержкой духов-покровителей в быту, расположить их к себе);

– промысловые (привлечение промысловой удачи);

– промежуточные (направлены на достижение нескольких целей).

В большинстве этих обрядов, так или иначе, заявляет о себе принцип троичности. Структура традиционной родильной обрядности эвенков включает три группы определенных действий и запретов:

– до беременности;

– во время беременности и родов;

– послеродовые.

Общество, основу которого составляет жизнь трех поколений, немислимо без детей – продолжателей традиций. Поэтому уже с юного возраста девочек и девушек готовили к роли матери, способной выносить и родить здоровое потомство. Для этого надо было соблюдать ряд правил, исходящих из типа мышления. Так, например, юным представительницам этноса запрещалось есть оленьи вымя, чтобы не было недостатка в грудном молоке [5], и мясо убитой неразродившейся матки, чтобы впоследствии не испытывать трудностей родоразрешения [6]. Кроме того, женщинам-избранницам духов, во избежание рождения умственно отсталых детей, нельзя было начинать шаманить до пятидесяти лет (то есть в детородном возрасте) – это считалось грехом [7].

Если у эвенкийской семьи долго не было детей, проводился обряд «испрашивания» их у покровительницы деторождения Аихит или Аин Маин (у восточных эвенков). Для этого в колыбель клали изображения птичек-душ нерожденных детей, которые, по мнению эвенков, живут, резвятся и чирикают в виде синичек на дереве у Аихит. Обряд добывания детских душ мог проводить и шаман. Для этого в чуме (палатке) над местом малу (почетное место напротив входа) подвешивалась люлька с изображением ребенка, изготовленная из травы. Во время камлания шаман описывал свой поход в мир душ на звезду Чалбон, где брал одну душу и возвращался на землю. В этот момент участники обряда имитировали плач ребенка, а шаман в утробу матери «помещал» принесенную душу.

Во время беременности, с целью сохранить жизнь будущему ребенку и поспособствовать его благополучному развитию, женщиной также соблюдались запреты, касающиеся пищи и ряда действий. В кулинарное табу входили:

– мясо с тазовой кости зверя (чтобы не родить раньше времени);

– мясо медведя и медвежий бульон (чтобы роды не были тяжелыми);

– рыба голова (чтобы ребенок не был сопливым и слюнявым).

Беременной запрещалось следующее:

– ходить в ночное время в гости (ребенок будет непослушным);

– присутствовать на похоронах и поминках (ребенок родится немым);

– сидеть и лежать (спать) на медвежьей шкуре (роды будут тяжелыми, ребенок родится нервным или вовсе не выживет);

– наступать на оленью сбрую или веревки (ребенок запутается в пуповине);

– наступать на острые предметы, прикасаться к топору (роды будут тяжелыми);

– сидеть в юрте при открытой двери или у входа (вероятно, во избежание проникновения туда злых духов).

Обходить вокруг палатки и очага, сидеть на месте малу или месте мужа, брать или перешагивать его охотничье снаряжение женщине на разрешалось в любом возрасте и состоянии [8] (из-за специфики своей физиологии женщина считалась «грязной»).

Непосредственно во время родов совершались обряды, способствовавшие их удачному исходу, например, расплетение кос у роженицы, развязывание всех узлов на одежде и предметах, расщепление мужчинами ствола живого дерева, стрельба из ружей.

Как только ребенок появлялся на свет, его и мать тщательно обмывали и окуривали дымом. Конечно же, спешили «накормить» огонь кусочками мяса и жира, а женщину – бульоном из рябчика или куропатки (способствующим выработке молока), мясом молодого оленя, а в случае трудных родов – его теплой кровью.

С последом (гирки) поступали по-разному. В одном варианте, специальный небольшой сруб, плотно закрываемый плахами, сверху обкладывали камнями, чтобы послед не могли достать звери. А с четырех сторон сруба ставили ментая от посягательства враждебных духов. Могли сделать и по-другому. Около закопанного последа отец новорожденного укладывал по периметру колышки. На это место впоследствии должен был прийти подросший ребенок со словами: «Вот, я уже вырос» [9].

Послеродовые обрядовые действия включают проведение праздника Малагын, посвященного богине деторождения, устраиваемого по истечении трех суток с момента родов [10]; обряд

приобщения к семейному очагу (еллуква) и несколько запретов, которые теперь должен был соблюдать ребенок, дабы расти здоровым и воспитанным.

Родители и родственники строго следили за тем, чтобы малыш не садился кушать в одном ботиночке («будет воровать»), не мочился у огня («будет страдать недержанием»), не совал в рот челюсть оленя, играя с ней («зубы будут болеть»), не ходил в одном унте («будет сиротой»). А сами взрослые не должны были кидать детский кал в огонь («в тюрьму попадет»), укрывать и заворачивать ребенка в полотенце («голова будет болеть»), нельзя было одновременно тянуть ребенка двум людям («будет дураком») [11].

Языческое мировоззрение предполагало и такие виды оберега, как подмена ребенка в колыбели щенком; подвешивание к изголовью люльки различных амулетов в зависимости от пола новорожденного (зубы животных, носы пушных зверьков, наперсток, нитки, цветные тряпочки и прочее); изготовление из замши птичьего гнезда и птички из дерева или ровдуги как хранительницу души и помещение их в муручун, сделанный специально при рождении ребенка [12, с. 176]. Охраняя от любых негативных воздействий на физическом и духовном уровне, они, по сути, воспринимались как некие блокираторы, отражающие атаки злых сил.

Помимо физического появления на свет и ухода в мир иной, знаменательным событием в жизни эвенка была и свадьба. Описание этого обряда, как и иных синкретических ритуальных действий, довольно подробно представлено в историко-этнографической литературе и характерно для всех групп эвенков при наличии вариантов в деталях. Однако нам показалось важным заострить внимание на его трехчастной структуре. А именно, на трех основных компонентах свадебного обряда:

- одевание невесты и сборы ее каравана;
- перевоз невесты и ее каравана;
- приобщение к семье мужа.

Троичность присутствует и внутри обрядовых частей. Так, например, приехав в табор жениха, невеста три раза по движению солнца объезжала его юрту (чум, палатку), и только затем молодожены входили внутрь.

Таким образом, можно говорить о том, что принцип троичности структурирует пространственно-временной континуум в традиционной культуре эвенков, проявляя себя в ритуально-обрядовом комплексе, хозяйственно-промысловой и бытовой сферах. При этом необходимо подчеркнуть его символическую нагрузку.

Ссылки и примечания:

1. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 196 с.
2. Из трех видов трансмиссии – вертикальной, горизонтальной и не прямой – для эвенкийской культуры характерен первый, в процессе которого культурные ценности, умения, верования и т. п. передаются от родителей к детям.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. 368 с.
4. Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 23–42.
5. Стенограмма беседы с Максимовой А.Г. (материалы полевых работ 2012 г.).
6. Стенограмма беседы с Николаевой Г.А. (материалы полевых работ 2013 г.).
7. Стенограмма беседы с Варламовой Г.И. (материалы полевых работ 2011 г.).
8. Стенограммы бесед с Кондаковой В.Н., Анатольевым М.И., Кухаренко Н.С., Варламовой Г.И., Николаевой Г.А. (материалы полевых работ 2012–2014 гг.).
9. Стенограмма беседы с Николаевой Г.А. (материалы полевых работ 2013 г.).
10. Почти идентичный обряд проводили якуты: выкапывали ямку, над ней воздвигали уменьшенную копию урасы (бережяного чума), зажигали ее, брызгали в огонь маслом. Маслом же мазали себе лица, громко смеялись. Исследователи, описывавшие этот обряд, не упоминают о закапывании послета, а называют его обрядом проводов богини Айыпыт, посылающей женщинам детей (Жуковская, с. 92).
11. Стенограмма беседы с Кухаренко Н.С. (материалы полевых работ 2014 г.).
12. Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969. 304 с.

References and notes:

1. Zhukovskaya, NL 1988, *Categories and symbols of traditional culture of the Mongols*, Moscow, 196 p.
2. In the three types of transmission – vertical, horizontal and indirect – Evenk culture is characterized by the first, during which cultural values, skills, beliefs, and others are transmitted from parents to children.
3. Stefanenko, TG 2003, *Ethnopsychology*, Moscow, 368 p.
4. Baiburin, AK 1991, 'Ritual in the symbolic means of culture', *Ethno symbolic function of culture*, Moscow, p. 23-42.
5. Transcript of a conversation with Maximova AG (materials fieldwork, 2012).
6. Transcript of a conversation with Nikolaeva GA (materials fieldwork 2013).
7. Transcript of a conversation with Varlamova GI (materials fieldwork 2011).
8. Transcripts of interviews with Kondakova VN, Anatolyev MI, Kuharenko NS, Varlamova GI, Nikolaeva GA (materials fieldwork 2012-2014.).
9. Transcript of a conversation with Nikolaeva GA (materials fieldwork 2013).

10. Almost identical to the rite performed Yakuts: dug a hole, erected over it reduced copy Uras (birchbark plague), lit it, squirting oil on the fire. Oil is smeared their faces, laughing loudly. Researchers describe this rite, do not mention the burying of the placenta, and call it a ceremony is held Ayyypyt goddess, sending women children (Zhukovskaja, p. 92).
11. Transcript of a conversation with Kuharenko NS (materials fieldwork 2014).
12. Vasilevich, GM 1969, Evenks, Leningrad, 304 p.